

Рѣчь предѣ молебномъ при началѣ учебныхъ занятій въ Московской Духовной Академіи въ 1904—5 г.

Простите, если я, учитель краснорѣчія, скажу вамъ сегодня некраснорѣчивое слово. Лично я мало сожалѣю объ этомъ. Нынѣ вездѣ и всюду такъ много говорится краснорѣчивыхъ словъ, что, кажется, ими наполнена сплошь вся вселенная. А между тѣмъ, несмотря на все это краснорѣчіе, всѣмъ живетъ почти такъ же худо, какъ жилось и тогда, когда нашего слуха не утомляли этими безконечными громкими рѣчами, этой феерической смѣной различныхъ направлений, теченій, плановъ и гаданій.

Какъ пастырь и стражъ этого дражайшаго для меня духовнаго вертограда, я долженъ сказать вамъ всю правду, какъ бы она ни была горька и непріятна для многихъ. И я скажу ее вамъ. Можетъ быть, выслушавъ ее, нѣкоторые скажутъ: „жестоко слово сіе: и кто можетъ его послушать“ и начнутъ оставлять меня. Пусть говорятъ и пусть оставляютъ.

Когда я смотрю сейчасъ на васъ, то моя мысль переносится отсюда, изъ этого тѣснаго нашего храма, на далекій просторъ священной земли Палестины. Я забываю свое время и переносюсь мыслью къ тѣмъ безпримѣрно счастливымъ годамъ для всего человѣчества, когда среди людей жилъ и дѣйствовалъ небесный Посланникъ, безпримѣрный Учитель Христосъ. Вотъ я мысленно вижу, какъ Онъ переходитъ изъ селенія въ селеніе, изъ города въ городъ. Вижу, какое неотразимо-мощное вліяніе на людей производитъ Его новое, неслыханное дотолѣ ученіе. Около Христа собираются толпы слушателей. Всѣ хотятъ знать, какъ это можно какъ-

то жить по-новому, лучше, чѣмъ какъ они жили до сихъ поръ. Всматриваюсь въ толпу, окружавшую Христа, и вижу среди нея многихъ, какъ бы еще живыми. Вижу ихъ напряженные лица, взоры, устремленные на Христа. Вотъ стоитъ блудница, вотъ разбойникъ, здѣсь мытарь, тамъ гордый фарисей, тутъ самодовольный саддукей. Стоять здѣсь и простолюдины, и богачи, и женщины съ маленькими дѣтьми, старцы.

Всматриваюсь въ толпу и вижу среди нея, какъ бы живого, одного юношу. Вотъ онъ... Взоръ его устремленъ на Христа. На лицѣ можно видѣть прозрачные слѣды глубокаго волненія отъ новаго, никогда неслыханнаго ученія. Напряженіе все болѣе и болѣе растетъ и наконецъ достигаетъ послѣдней степени. Какъ сильные громы небесные потрясаютъ землю, такъ слово небеснаго Учителя потрясаетъ всю душу юноши. Заколебались старые устои жизни, казавшіеся прежде такими несокрушимыми и вѣрными. Забрязжилъ въ душѣ какой-то новый свѣтъ, повлекло къ чему-то новому, свѣжему, ласкающему, невыразимо прекрасному, хорошему. Вотъ онъ протискивается сквозь толпу ко Христу и спрашиваетъ Его: „что сдѣлать мнѣ добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную?“ (Мѣ. 19, 16). Спаситель отвѣчалъ ему: „не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не лжесвидѣтельствуй, люби ближняго, какъ самого себя“ (19, 18). Что же юноша? Не трудными кажутся ему тѣ заповѣди, научиться исполнять которыя многіе не могутъ въ теченіе цѣлой своей жизни. Онъ не знаетъ немощей человѣческой природы, не знаетъ жизненныхъ невзгодъ, бурь, паденій. Все это кажется ему слишкомъ легкимъ. Онъ готовъ и на болѣе трудные подвиги. Увѣренный въ себѣ и своихъ силахъ, юноша смѣло и безбоязненно отвѣчаетъ Спасителю:—„все это сохранилъ я отъ юности моей. Чего еще недостаетъ мнѣ?“ (—20). Все это я исполнилъ. Скажи, открой, научи, чего еще не достаетъ мнѣ?...

Спаситель полюбилъ этого юношу за его горячее желаніе быть истинно хорошимъ и совершеннымъ. Но когда Онъ сказалъ ему: „если хочешь быть совершеннымъ, продай имѣніе твое и раздай нищимъ“, юноша отошелъ отъ Него съ печалію, потому что у него было большое имѣніе (—21—22). Итакъ, когда потребовалось отъ юноши не слово, которыми всѣ люди такъ богаты, а дѣло,—онъ отошелъ отъ Спасителя „скорбя“...

Когда я смотрю сейчасъ на васъ и мысленно стараюсь

заглянуть въ ваши души, представить ваши думы, чувства, надежды, то мнѣ кажется, какъ будто я вижу предъ собою еще воочію того самаго евангельскаго юношу, о которомъ лишь говорилъ вамъ. Такъ много сходнаго въ теперешнемъ вашемъ настроеніи съ настроеніемъ Христова любимца. Двери таинственнаго храма науки, о которомъ вы почти съ самаго дѣтства привыкли хранить самыя высокія представленія, раскрыты предъ вами. Всѣ затрудненія, какія стояли на пути къ этому храму, вами препобѣждены. Вы переступили уже черезъ порогъ этого святилища и ждете быть обвѣянными свѣтомъ высшаго богословскаго и гуманитарнаго знанія. Не устами только, а и всѣмъ своимъ существомъ вы теперь какъ бы кричите, подобно евангельскому юношѣ, что вамъ дѣлать, куда итти, чего избѣгать...

Школа и мудрецы этой школы, изъ которыхъ имена нѣкоторыхъ извѣстны не только въ Россіи, но и за границей, научатъ васъ тому, что теперь вамъ слѣдуетъ дѣлать. Я же лишь предупреджу васъ, чего вамъ слѣдуетъ въ общемъ старательно, заботливо избѣгать на пути четырехлѣтняго вашего дѣланія и труда въ Академіи.

Сказать правду — молодежь нашего времени не особенно любитъ учиться и трудиться. Школьные дисциплины она считаетъ устарѣлыми и почти уже никому ненужными. Это — ветошь, старый мусоръ, въ лучшемъ случаѣ — скорлупа. Каждый день несетъ тысячи новыхъ жгучихъ вопросовъ, волнуются бѣдные обездоленные классы, растутъ различныя партіи, на церковь нападаютъ съ различныхъ сторонъ. Время ли сидѣть за книжками? Молодежи хочется прямого, живого дѣла, которое она могла бы видѣть своими глазами и осязать своими руками. Ей хочется итти, минуя науку, итти прямо къ людямъ, нести имъ счастье, свѣтъ, помогать во всякой нуждѣ и во всякомъ горѣ. Ей хочется заключить въ свои объятія всю вселенную, уничтожить всякое горе, зло, неправду, создать, устроить рай Божій еще здѣсь на землѣ. Отсюда ея постоянныя мечты о счастья земномъ и жгучіе разговоры о служеніи ближнимъ, безконечныя планы, проекты и различныя даже начинанія. Когда смотришь на подобныхъ юношей, сердце наполняется невыразимой радостью, взору рисуется золотая нива съ пышными, богатыми колосьями, которая несетъ обильный урожай людямъ. И не-

вольно при этомъ думаешь, какъ счастливы будутъ въ жизни эти юноши и тѣ люди, которымъ они будутъ служить.

Таковы мечты, но не такова дѣйствительность. Вотъ что мнѣ приходилось ужъ не разъ наблюдать въ своей жизни надъ тѣми изъ моихъ питомцевъ, которые такъ много говорили о своемъ будущемъ плодотворномъ служеніи ближнимъ и такъ были недовольны настоящимъ, порицая всѣхъ и все. Въ одного уже стрѣляли, другимъ разбивали окна, третьихъ освистывали, четвертые давно бѣжали съ учебной службы во всевозможныя учрежденія до акциза включительно, пятые стали несносными деспотами, шестые давно уже и безповоротно опустили на самое дно. Гдѣ же клятвы? Гдѣ обѣщанія? Гдѣ жгучіе разговоры? Гдѣ планы и гаданія? Что осталось отъ безсонныхъ ночей? Какимъ волшебствомъ и какими чарами все такъ рѣзко измѣнилось?

Я вижу предъ собою сейчасъ представителей почти всѣхъ семинарій. Будемъ откровенны. Каждый изъ васъ, озираясь назадъ, несомнѣнно вспомнить немало темныхъ сторонъ въ оставленной имъ школѣ, за многое осудить эту школу съ досадой и болью въ сердцѣ, и осудить справедливо. Но не будемъ особенно спѣшить съ осужденіемъ и порицаніемъ. Осуждая другихъ, не себя ли въ дѣйствительности мы осуждаемъ? Вѣдь и тѣ, которыхъ мы осуждаемъ, были когда-то на нашемъ мѣстѣ и они когда-то такъ же горячо говорили о самоотверженномъ служеніи ближнимъ, какъ говорите и вы. Можетъ быть, у нихъ даже было больше словъ и рѣчей, чѣмъ у насъ съ вами. И однако мы видимъ, что слова и клятвы многими изъ нихъ давно-давно забыты и надъ всѣмъ давно царитъ неумолимая грозная дѣйствительность, которую ничѣмъ не обѣлишь, не расцвѣтишь никакими цвѣтами, не оживишь никакими силами.

Посмотримъ шире на міръ Божій. Говорить ли о томъ, какая масса въ немъ нестройной, паденій, возстаній, ожесточенной, непримиримой борьбы другъ съ другомъ, корпораціи съ корпораціей, сословія съ сословіемъ. Глядя на тяжелую картину этой какъ бы всеобщей войны, вы хотите бѣжать къ людямъ. простереть къ нимъ свои руки и крикнуть на весь Божій міръ: остановитесь, безумные, что вы дѣлаете? Забудьте ваши ссоры, вспомните, что вѣдь вы братья другъ другу. Други мои, не забудьте, на фонѣ этой мрачной картины дѣйствитель-

ной жизни предъ нами проходятъ люди, которые мечтали и мечтають о служеніи ближнимъ и которые считаютъ себя еще и сейчасъ хорошими людьми. Поразительно: такъ много нынѣ у людей радѣтелей, братьевъ, служителей, готовыхъ даже умереть за ближняго, и такъ тяжело на землѣ, столько на ней горя, столько слезъ... Старые челоѡколюбцы смѣняются новыми, увеличиваются полки хорошихъ людей, а все жизнь неладна. Вотъ и вы говорите уже объ ея недочетахъ...

Теперь, други мои, я близко подошелъ къ тому, что хотѣлъ сказать вамъ предъ началомъ учебныхъ занятій. Не спѣшите жить, не спѣшите итти въ міръ на служеніе людямъ, не спѣшите все осуждать, не спѣшите все переустроить по вашимъ планамъ и намѣреніямъ. Ваши намѣренія и планы еще не тверже и не крѣпче паутины, которую паукъ сплетаетъ надъ могучимъ деревомъ. Я не видалъ плодовъ на молодомъ деревцѣ, не зрѣють колосья на озими. Все ваше вниманіе, всѣ ваши усилія вы должны теперь сосредоточить исключительно на себѣ, на упорной работѣ надъ собой. Вы должны бороться съ немощами своей природы такъ же настойчиво, какъ настойчиво боролись съ нею св. подвижники и лучшіе изъ мірскихъ людей. Не другихъ вамъ нужно спѣшить просвѣщать, а самихъ себя прежде всего. Вамъ теперь нужно прежде всего создать внутри самихъ себя крѣпчайшіе устои, которыхъ не смогла бы сломить никакая жизненная невзгода, никакая стихійная буря. Другимъ же отдавайте пока лишь то, что останется у васъ отъ работы надъ собой и своимъ внутреннимъ міромъ. Вотъ когда, други мои, вы опытно познаете и поймете, что значить дѣлать и говорить, какъ трудно научиться служить людямъ не словомъ, а дѣломъ,—поймете какая непроходимая почти пропасть лежитъ между тѣмъ и другимъ, научитесь понимать немощи людей, прощать ихъ и цѣнить ихъ успѣхи. Не сорвется съ вашихъ устъ тогда неосторожное слово осужденія, непродуманная затѣя, неосмотрительное дѣло. Научившись же не измѣнять своимъ словамъ еще здѣсь, на школьной скамьѣ, вы не будете измѣнять имъ и впоследствии на самомъ жизненномъ поприщѣ. Помните, въ жизнь вы не поведете больше того, чѣмъ сколько здѣсь получите. Ваша послѣдующая дѣятельность будетъ въ поразительной точности соотвѣтствовать вашимъ внутреннимъ капиталамъ. Всѣ мы

хорошо знаемъ, что, имѣя рубль въ карманѣ, нельзя изъ него подать нуждающимся два. На разбитомъ или разстроенномъ инструментѣ, какой бы дороговизной онъ ни отличался, нельзя играть ничего дѣльнаго. Больной не вылѣчитъ больного. Слепой не растолкуетъ слѣпому прелести красокъ свѣта и цвѣтовъ. Глухой не расскажетъ глухому о чудной гармоніи звуковъ. Евангельскій юноша, можетъ быть, имѣлъ въ своей душѣ гораздо больше, чѣмъ имѣете вы. Однако, его мечты разлетѣлись прахомъ отъ мимолетнаго прикосновенія къ нимъ живой, настоящей, невыдуманной и несочиненной дѣйствительности. То же будетъ и съ вами. Вы сможете дать другимъ лишь только то, что сами съумѣете здѣсь накопить.

Други мои, только что высказанная мною мысль такъ проста и понятна, что едва ли нужно ее еще какъ-либо пояснять и раскрывать. Но, можетъ быть, вы мнѣ не повѣрите въ данномъ случаѣ, такъ какъ я слишкомъ молодъ, и мой авторитетъ можетъ показаться малымъ для васъ. Если такъ, то я могу въ защиту себя привести множество авторитетовъ. Изъ многихъ приведу хотя немногіе.

Вотъ предъ нами Предтеча Христовъ. Свое безпримѣрно великое служеніе людямъ онъ предваряетъ продолжительнымъ суровымъ подвигомъ въ пустынѣ. Вотъ предъ нами Христосъ Спаситель. И Этотъ Посланникъ небесъ многіе годы созрѣваетъ въ тиши бѣднаго родительскаго крова для того дѣла, какое пришелъ Онъ совершить на землѣ. А предъ самымъ временемъ выступленія на вышечеловѣчскій подвигъ служенія людямъ, мы видимъ Его даже въ пустынѣ, проводящимъ дни и ночи въ великомъ постѣ и глубочайшей молитвѣ. Вотъ предъ нами два единственныхъ въ своемъ родѣ христіанскихъ св. друга—Василій и Григорій. Они живутъ въ самомъ шумномъ языческомъ центрѣ, въ водоворотѣ различныхъ теченій и направленій. Но несмотря на все это, вотъ что мы знаемъ о нихъ. „Намъ,-- пишетъ одинъ изъ нихъ,--извѣстны были только двѣ дороги: одна первая и превосходнѣйшая—вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; вторая вела къ наставникамъ внѣшнихъ наукъ; другія же дороги—на праздники, на зрѣлища, на народныя собранія, на пиршества—предоставляли мы желающимъ“.

Но, можетъ быть, васъ не удовлетворятъ эти примѣры.

потому что они взяты изъ церковной жизни и далекаго прошлаго. Тогда я приведу вамъ примѣры другіе. Ваши взоры, конечно, привлекаютъ къ себѣ иностранныя школы. Съ завистью вы смотрите на вашихъ коллегъ, имѣющихъ возможность получать образованіе среди такихъ чудныхъ условій. Но послушайте, какъ одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ (Хомяковъ) описываетъ жизнь студентовъ, на прим., англійскихъ университетовъ.

„Въ тихій лѣтній вечеръ, когда садящееся солнце освѣщаетъ румянымъ свѣтомъ всѣ 22 коллегіи стараго Оксфорда съ ихъ готическими стрѣлками и прозрачными аркадами, когда длинныя тѣни старыхъ дубовъ и каштановъ ложатся на зеленыя лужайки и парки, и стада оленей рѣзвятся по освѣщенному лугу и по тѣнямъ, и сами мелькаютъ какъ тѣни и довърчиво прибѣгаютъ къ университетскимъ зданіямъ и келліямъ студентовъ,—тогда, повѣрь мнѣ, Оксфордъ волшебнѣе самой Венеціи. Въ Венеціи роскошь и нѣга: надъ Оксфордомъ носится какая-то строгая и свѣтлая дума. Верхъ дерева шумитъ и качается: въ тишинѣ и безмолвіи растутъ и крѣпнуть его вѣковые корни. Дисциплина университетская похожа на монастырскую, игры учениковъ имѣютъ еще весь характеръ дѣтскихъ забавъ. Но за то это долгое дѣтство приготовляетъ здоровую и разумную возмужалость. За то изъ строгой тишины монастырской выходятъ тѣ могучіе и смѣлые умы, которые развиваютъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ духовную и вещественную силу Англій и правятъ ею, сквозь шумъ и бурю торговой и политической жизни. За то Англій неизвѣстны эти цѣлыя поколѣнія, которыя въ иныхъ земляхъ являются съ такимъ полнымъ безсиліемъ на поприще дѣятельности, какъ мальчишки, безвременно убѣжавшіе изъ родительскаго дома, въ слишкомъ раннихъ галстукахъ и фракахъ, съ слишкомъ модными бадинками въ рукѣ, съ полнымъ незнаніемъ своей земли, съ самодовольной пустотой въ головѣ, съ неспособностью къ мысли самобытной и съ хвастливой готовностью вѣкъ свой насвистывать чужую пѣсню, воображая, что она сложена ими самими. Рѣдкій англичанинъ спроситъ у васъ, видѣли ли вы Ливерпуль или Бирмингамъ. Но всякій спроситъ, видѣли ли вы Оксфордъ и Кембриджъ“.

Не забудьте, что одинъ изъ высокихъ англійскихъ путе-

шественниковъ, бывший въ нашей Академіи, сравнилъ ее именно съ Оксфордомъ.

Другой нашъ соотечественникъ (Чичеринъ), выдающійся ученый, философъ, апологетъ свободы и правъ личности, горячо преданный молодежи, весьма любимый не только молодежью, но и выдающимися мыслящими людьми до старца - профессора включительно, пишетъ: „Россія нуждается въ людяхъ съ крѣпкими убѣжденіями. Но крѣпкія убѣжденія не приобретаются на площади. Они добываются серьезнымъ, упорнымъ умственнымъ трудомъ. Направить васъ на этотъ путь, представить вамъ образецъ науки строгой и спокойной, независимой отъ внѣшнихъ партій, стремленій и страстей, науки, способной возвести человѣка въ высшую область, гдѣ силы духа мужаютъ и приобретаютъ новый полетъ, таковъ для меня былъ идеаль преподаванія“. Такъ думали и говорили люди различныхъ положеній и направленій. „Наука для науки и есть наука для жизни“ (Тимирязевъ). „Образованіе—крупная социальная сила, это—цѣннѣйшая часть народнаго капитала“. „Если не хотите работать, уступите мѣсто другимъ. Зачѣмъ заѣдать народныя средства?“ (Ляменэ), а я добавлю еще—и церковныя. „Содѣйствовать ускоренію наступленія Царства Божія человѣкъ будетъ только работой надъ собой, гдѣ все въ его власти, и сердиться и упрекать никого не будетъ, кромѣ себя, которому всѣ упреки всегда во благо“. „Истинное благо заключается не во внѣшнемъ осуществленіи Царства Божія, которое никогда не осуществится, къ которому человѣчество всегда будетъ приближаться (какъ асимптота къ кривой)—а въ томъ, что жизнь человѣка въ этомъ мірѣ, въ короткій срокъ этой жизни, получаетъ вѣчный, радостный смыслъ“ (Толстой). Вспомните древнюю школу Пифагорейцевъ. Питомцы этой школы строгостью своей жизни напоминали отчасти монаховъ, а любознательность—выдающихся людей древняго и новаго времени. Вспомните стоиковъ и ихъ практическіе и теоретическіе завѣты о борьбѣ со зломъ. Не говорю о Сократѣ и его ученикахъ. Даже невѣрующіе философы, писатели, общественные дѣятели держались въ жизни своей этого мудрѣйшаго правила и благодаря этому удивляли всѣхъ многими сторонами своей жизни.

Но довольно...

Итакъ, дорогіе питомцы, поставьте себѣ за правило не терять даромъ ни одной минуты въ Академіи. Трудитесь, работайте постоянно. Если для другихъ время — деньги, то для насъ съ вами оно еще и ступень къ безпредѣльному совершенству въ добрѣ (Мѡ. 5, 48) и тому служенію, къ какому мы готовимся съ вами. Помните, васъ ждетъ молодое подрастающее поколѣніе, ждетъ съ живымъ, горячимъ, умнымъ словомъ. Оно хочетъ, чтобы вы вели его по иному пути, чѣмъ по какому иногда шли сами. Помните, на службѣ учиться некогда да и негдѣ. Вы не встрѣтите нигдѣ такихъ книжныхъ сокровищъ, какъ здѣсь. Нигдѣ не встрѣтите такихъ руководителей, какъ здѣсь. Говорю по личному наблюденію надъ многими. На какомъ градусѣ остановится ваша жизнь здѣсь въ Академіи, съ тѣмъ вы пойдете и въ міръ на службу ему. Вы не скажете міру никакого новаго слова. Мало того, многіе изъ васъ постепенно теряютъ многое, если не все, и изъ того, что здѣсь приобрѣли. Съ каждымъ годомъ вашей самостоятельной жизни Академія будетъ становиться отъ васъ все дальше и дальше. Вы будете въ тоскѣ по ней простирать къ ней свои руки, но напрасно. Она, какъ неуловимый призракъ, будетъ исчезать отъ васъ. Вы будете смотрѣть на нее, какъ смотрятъ люди съ низины на городъ, стоящій на самомъ верху самой высокой горы. Какъ бы вы ни желали, но не поднаться вамъ снова на гору. Ваше сердце будетъ наполняться радостью даже при одномъ воспоминаніи объ Академіи. Объ академическихъ годахъ вы будете рассказывать всѣмъ, какъ о золотой порѣ своего существованія, какъ о невозвратномъ, дорогомъ и милымъ прошломъ. Не проживите же бесплодно эти четыре академическихъ года.

Господи! призри съ небесе на насъ здѣсь предстоящихъ предъ Тобою. Я вѣрю, что Ты съ нами сейчасъ, видишь и знаешь всѣ наши мысли, думы, чувства, настроенія, немощи. Сотвори, чтобы мое немощное слово не было бесплоднымъ, а принесло бы, если не обильный, то хотя какой-либо плодъ. Я буду доволенъ и малымъ. Молюсь Тебѣ, какъ молились Тебѣ древніе св. проповѣдники, возвѣщая міру Твое ученіе. Ты слышалъ ихъ. Услышь и меня, хотя не ради меня, а ради ихъ.

Епископъ Евдокимъ.